О НАПРАВЛЕНІИ

И

ЗАДАЧАХЪ МОЕЙ ФИЛОСОФІИ.

(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ АРХІЕПИСКОПА НИКАНОРА ВЪ „ПРАВОСЛАВНОМЪ ОБОЗРѢНІИ“).

Николая Грота,

ПРОФЕССОРА ФИЛОСОФІИ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

МОСКВА.

1886.

11589
В
4170
Гро
Пров.
532
38

О НАПРАВЛЕНІИ И ЗАДАЧАХЪ МОЕЙ ФИЛОСОФІИ

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ АРХІЕПИСКОПА НИКАНОРА *.

Почтенный авторъ большого философскаго труда „Положительная философія и сверхчувственное бытіе“ (Спб. 1875 г.), архіепископъ Никаноръ, сдѣлалъ попытку обозрѣть отдѣльныя сочиненія мои по философіи, явившіяся въ печати за десятилѣтній періодъ моей профессорской и литературной дѣятельности [1]).

За это изложеніе воззрѣній моихъ, представляющее собою признаніе серіозности и нѣкотораго значенія за скромными произведеніями моего пера, не могу не выразить высокоуважаемому автору глубокой признательности. Благодарю его также за сочувственное и лестное, хотя конечно и преувеличенное, вслѣдствіе расположенія ко мнѣ, сужденіе его о моей философской подготовкѣ и дарованіяхъ.

Памятуя однакоже изреченіе Аристотеля о необходимости выше всего ставить интересы истины [2]), я считаю необходимымъ дополнить изложеніе почтеннаго архіепископа своимъ собственнымъ краткимъ изложеніемъ хода развитія моихъ философскихъ идей. Дѣло въ томъ, что не только архіепископъ

---

* Предлагаемую статью мы печатаемъ не только по уваженію къ правилу audiatur et altera pars, но и потому, что она сама по себѣ представляетъ интересъ, какъ достойное во всякомъ случаѣ серіознаго вниманія изложеніе авторомъ-философомъ прогрессивнаго хода развитія его философскихъ идей. *Ред.*

[1]) „Правосл. Обозр.“, октябрь 1886 г.

[2]) Arist. Eth. Nic., I, 4 (1096 a. 16).

Никаноръ, но и нѣкоторые свѣтскіе мои критики, касавшіеся въ послѣднее время моего сочиненія „О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ“ (Од. 1886), значительно преувеличили различіе взглядовъ, изложенныхъ мною въ этомъ сочиненіи сравнительно съ прежними и провели между послѣдними и первыми трудами моими пропасть, въ существованіи которой я имѣю основаніе сомнѣваться. Мнѣ самому дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ: *постепенно*, отъ сочиненія къ сочиненію развивая и расширяя свой философскій кругозоръ, я безъ всякихъ скачковъ и съ строгою логическою необходимостію долженъ былъ придти ко взглядамъ, изложеннымъ мною въ книжкѣ „О душѣ“ и уже потенціально заключавшимся въ основныхъ посылкахъ моихъ первыхъ литературныхъ работъ.

Что мои первыя сочиненія имѣли по преимуществу *отрицательный* характеръ, а послѣднія являются главнымъ образомъ выраженіемъ *положительныхъ* взглядовъ—этого я не отвергаю. Всякое построеніе, вещественное и духовное, начинается съ расчистки почвы, на которой должно быть воздвигнуто новое зданіе, и если на этой почвѣ стояло зданіе старое, то даже и съ разрушенія этого стараго зданія, т.-е. съ чисто-отрицательной работы. Весь вопросъ въ томъ, соотвѣтствуетъ ли новое построеніе тѣмъ замысламъ, которыя отразились въ характерѣ и направленіи упомянутой отрицательной работы. Если такое логическое соотвѣтствіе существуетъ, то строителю не слѣдуетъ приписывать поворота во взглядахъ или какого-либо измѣненія основныхъ принциповъ. Въ немъ слѣдуетъ видѣть лишь человѣка, упорно идущаго впередъ по проложенному пути и не останавливающагося „страха ради іудейска“ [3]) ни предъ какими выводами, если они логически вытекаютъ изъ его основоположеній.

Я постараюсь ниже доказать, что шелъ именно такимъ строго-логическимъ путемъ отъ разрушенія основъ старой метафизики къ построенію собственнаго положительнаго міровоззрѣнія, но предварительно выскажу свой общій взглядъ на *истинный методъ философствованія*.

---

[3]) Разумѣю прежде всего страхъ предъ приговорами критики.

Философъ ищетъ истину, но по самымъ задачамъ философіи, подводящей итоги *всѣмъ* знаніямъ человѣка, онъ никогда не можетъ найти ее *вполнѣ и окончательно,* ибо расширенію элементовъ его построенія ни въ наукѣ, ни въ немъ самомъ (въ *его* знаніяхъ) нѣтъ предѣла. Такъ думали еще Сократъ и Платонъ. Стремясь примирить всѣ знанія и всѣ запросы человѣческой души, философъ поступитъ всего правильнѣе, если будетъ постоянно идти впередъ, сколь возможно мало оглядываясь назадъ, на свои прежніе выводы. Признаюсь, я имѣю привычку, приступая къ новому сочиненію, не перечитывать прежнихъ и при этомъ сознательно руководствуюсь тѣмъ убѣжденіемъ, что желаніе устранить противорѣчіе съ тѣмъ, что я говорилъ ранѣе, можетъ лишь повредить дѣлу истины. Если я вчера еще не зналъ какой-нибудь стороны истины, то сегодня могу найти ее и что̀ мнѣ за дѣло, если эта сторона истины ослабитъ смыслъ какого-нибудь прежняго моего отрицанія? Каждое новое утвержденіе, въ чемъ бы оно ни состояло, есть уже устраненіе (по нѣмецки Aufhebung) какого-нибудь отрицанія, а посему и невозможно, увеличивая число своихъ утвержденій и прибавляя къ старымъ новыя, не уменьшать тѣмъ самымъ количества своихъ отрицаній. Лейбницъ думалъ, что всѣ философы правы въ своихъ утвержденіяхъ и неправы въ своихъ отрицаніяхъ. Это—глубокая и вѣрная мысль. И вся философія въ ея цѣломъ и развитіе каждаго философа въ частности есть процессъ умноженія вѣрныхъ утвержденій и уменьшенія невѣрныхъ и односторонніхъ отрицаній, путемъ раскрытія новыхъ сторонъ истины. Посему оглядываются назадъ только самолюбцы, боящіеся упрека въ противорѣчіи и ставящіе литературное тщеславіе свое выше, нежели истину. Тотъ, кто искренно любитъ истину, идетъ все впередъ, пока *идется.* Я раздѣляю взглядъ Гартмана, что „брать за масштабъ—при оцѣнкѣ значенія философа—отсутствіе у него противорѣчій есть точка зрѣнія ограниченная". „Чѣмъ шире горизонтъ мыслителя, говоритъ Гартманъ (по поводу Канта), чѣмъ болѣе оригинальныхъ воззрѣній обнимаетъ сознаніе его, чѣмъ разностороннѣе онъ изучаетъ вещи и чѣмъ искуснѣе сплетаетъ въ одно цѣлое различныя проблемы, тѣмъ болѣе, съ необходимостію, возникаетъ для его ума трудностей и недоумѣній, разрѣшеніе которыхъ *одному* уму не подъ силу.... и тѣмъ менѣе

станетъ онъ жертвовать вполнѣ законными точками зрѣнія и взглядами критерію *формальнаго отсутствія противорѣчій*“ [4]). Отсюда ясно, что я не исключаю частныхъ противорѣчій между *отдѣльными* положеніями, которыя устанавливалъ въ своихъ сочиненіяхъ. Я считаю ихъ даже неизбѣжными. Для меня важна лишь строгая логическая и генетическая связь между положеніями *основными*, представляющими своего рода этапы на пути развитія цѣльнаго философскаго міровоззрѣнія.—Но какому закону слѣдуетъ это развитіе?

Философъ, правильно идущій своимъ путемъ впередъ, подлежитъ общему закону *движенія* въ природѣ. Совершенное движеніе въ природѣ, какъ полагали еще Платонъ и Аристотель и какъ подтвердила отчасти наука, есть движеніе кругообразное. Философъ, идущій прямо впередъ, похожъ на планету, вращающуюся около солнца, ибо и истина есть своего рода солнце философской мысли. Онъ похожъ также на путника, рѣшившагося обойти землю. Сей послѣдній непремѣнно, рано или поздно, идучи неуклонно впередъ, окажется даже своимъ собственнымъ *антиподомъ*, перейдя изъ восточнаго полушарія въ западное или наоборотъ. Если же онъ никогда не окажется своимъ антиподомъ, то это именно будетъ значить, что онъ поворотилъ назадъ или остановился и топчется на мѣстѣ. Самый совершенный философъ будетъ тотъ, который въ теченіе жизни обойдетъ весь путь относительной человѣческой истины, обниметъ ее со всѣхъ сторонъ и благополучно воротится (съ другой стороны) къ исходной точкѣ своего мышленія. Такими именно идеями руководился я въ своемъ философскомъ движеніи. А теперь, вынуждаемый къ тому высокоуважаемымъ моимъ критикомъ, разсмотрю тотъ путь, по которому дѣйствительно шло развитіе моей мысли въ философскихъ сочиненіяхъ, до сихъ поръ мною написанныхъ [5]). Не желая слишкомъ утомлять вниманіе уважаемыхъ читателей „Православнаго Обозрѣнія“, для которыхъ можетъ быть и не интере-

---

[4]) Philos. Fragen d. Gegenwart, Lpz. u. Berl. 1885: Kant u. die heutige Erkenntnisstheorie, p. 248.

[5]) Этотъ пріемъ я нахожу болѣе удобнымъ, такъ какъ онъ лучше всего покажетъ, въ какой мѣрѣ вѣрны истолкованія моихъ взглядовъ, сдѣланныя почтеннымъ архіепископомъ въ скобкахъ.

сенъ сюжетъ этой статьи, я дамъ лишь *общую схему* развитія своихъ философскихъ выводовъ. Тотъ, кто полюбопытствовалъ бы поближе ознакомиться съ этимъ развитіемъ, можетъ самъ на основаніи указанной схемы прослѣдить его по моимъ сочиненіямъ.

Я началъ заниматься философіей въ университетѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Въ то время философія была въ большомъ загонѣ и въ полномъ упадкѣ. Начинали говорить о Гартманѣ и о Дюрингѣ, а въ связи съ ними и о Шопенгауэрѣ, но общими богами были еще Контъ—отрицатель философіи, да Спенсеръ и Вундтъ, считавшіеся великими психологами. Естественно, что избравъ философію своею спеціальностію, я имѣлъ въ виду *психологію*, которую горячо полюбилъ и мечталъ реформировать въ духѣ позитивной науки. Этотъ интересъ поддерживался появившеюся полемикою и статьями о психологіи Кавелина и Сѣченова. Смысла *философіи* внѣ *психологіи* не понималъ ни я, ни почти никто другой изъ числа тогдашней молодежи. Явился Влад. Соловьевъ съ своимъ „Кризисомъ западной философіи“ (я тогда еще былъ студентомъ), но мы не понимали его и безусловно отвергали его точку зрѣнія. 1875—6 годъ, получивъ степень кандидата и оставленный по своей каѳедрѣ при университетѣ, я провелъ за границей и изучалъ психологію, анатомію и физіологію, чему многимъ обязанъ. Въ 1876 г., 23 лѣтъ я сталъ профессоромъ философіи и началъ читать психологію, логику и исторію философіи. Въ лекціяхъ я обходилъ тщательно всякую метафизику, отождествляя еще *метафизику* съ *философіею*, какъ общимъ ученіемъ о мірѣ. Въ этомъ 1876 г. появились „Философскіе этюды“ Козлова и состоялся диспутъ его въ кіевскомъ университетѣ, на которомъ и я возражалъ своему коллегѣ. Эти возраженія послѣ собралъ и развилъ въ статьѣ *Философскіе этюды Козлова. Критическій очеркъ* (Кіевъ 1877 г.). Въ статьѣ этой я отрицалъ всякую философію внѣ наукъ психологическихъ, ибо считалъ всякое истинное знаніе *наукой* и съ этой точки зрѣнія *справедливо* разсуждалъ, что не можетъ быть о тѣхъ же предметахъ и явленіяхъ *двухъ наукъ—общей* и *спеціальной*, ибо и спеціальныя науки стремятся къ *общимъ выводамъ* Онѣ дадутъ то общее, что могутъ, а бо̀льшее, чѣмъ что онѣ въ состояніи дать, будетъ уже лежать *внѣ науки*, опираясь *на чувство наше*,

на субъективное въ душѣ [6]); но такъ какъ, думалъ я, субъективное есть то же, что и *личное*, то общей философіи міра, для всѣхъ обязательной, не можетъ быть: каждый въ правѣ философствовать и подводить итоги спеціальнымъ знаніямъ *только для себя* [7]). Такъ я думалъ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Въ это время, прилежно работая надъ психологіей, какъ спеціальной наукой, я занялся, отчасти подъ воздѣйствіемъ философскаго пистпикта, заставлявшаго меня стремиться точнѣе выяснить роль и значеніе *чувства*, какъ основы общихъ построеній философа, вопросомъ о природѣ чувствованій и чувствъ [8]). Результатомъ явилась моя большая магистерская диссертація *Психологія чувствованій въ ея исторіи и главныхъ основахъ* (Спб. 1880). Элементы своей теоріи чувствованій я изложилъ впрочемъ уже въ 1878 г. въ статьѣ французскаго журнала Revue philosophique. Между тѣмъ анализъ чувства, въ связи съ другими областями сознанія, привелъ меня къ выводу, что чувство и мысль — *двѣ равноправныя* области душевной жизни, сферы одинаковозаконныхъ: *объективной* и *субъективной* воспріимчивости. Сначала мы оцѣниваемъ вещи объективно, какъ они есть (мыслію), а затѣмъ тѣ же вещи субъективно, въ ихъ значеніи или цѣнѣ для насъ (чувство). Изъ чувства раждается воля, изъ воли дѣйствіе (теорія психическаго оборота) [9]). Сообразно этому я построилъ всю теорію чувствъ, ихъ различій и классовъ, принятую нынѣ нѣкоторыми французскими психологами (Paulhan, Fouillée). Но я еще признавалъ здѣсь чувство *оцѣнкою* вещей *только въ значеніи ихъ для личности*, не сознавая, что если личность есть отраженіе *міра* (микрокосмъ) и проявленіе *законовъ* міра, то субъективная оцѣнка вещей личностью можетъ *приближаться* къ выраженію ихъ субъективной цѣны *вообще и внѣ личности*. По-

---

[6]) Это положеніе и есть *основная посылка* всѣхъ моихъ философскихъ изслѣдованій и построеній.

[7]) Ср. Философскіе этюды, критич. очеркъ, особ. стр. 7—11.

[8]) Предлагаю читателю въ послѣдующемъ изложеніи разумѣть подъ *чувствомъ* только *настоящія чувства*, пріятныя и непріятныя—тѣлесныя, умственныя, эстетическія, нравственныя, а отнюдь *не ощущеніе* качествъ предметовъ посредствомъ такъ-называемыхъ „органовъ чувствъ“. Я строго различаю термины чувстаа и ощущенія.

[9]) Ср. особ. глаг у IX Психологіи чувствованій.

этому, признавъ чувство въ человѣкѣ равноправною съ его мыслію сферою сознанія, я еще только возвысилъ значеніе философіи, рядомъ съ наукою, *для личности* и призналъ это значеніе не менѣе важнымъ, чѣмъ какимъ признается значеніе *искусства* въ жизни личности.

Такъ какъ однако искусство имѣетъ цѣну не только для личности, но и для *общества*, то я указалъ въ особой статьѣ *Философія, какъ опытъ искусства* (Спб. Мысль, 1880) и на *относительную общую* цѣну основаннаго на чувствѣ *личнаго философскаго творчества*. Это, если хочетъ мой почтенный критикъ, было уже небольшимъ „поворотомъ", опредѣлившимъ всѣ остальные шаги моего развитія, хотя этотъ поворотъ совершился въ самомъ началѣ моей литературной дѣятельности. Сначала я совсѣмъ не признавалъ *общаго* значенія *личнаго* философскаго творчества, а чрезъ три года призналъ его.

Въ своей докторской диссертаціи *Къ вопросу о реформѣ логики* (1882) я развилъ далѣе и усовершенствовалъ свое ученіе объ элементахъ сознанія, свою теорію „психическаго оборота", и еще точнѣе опредѣлилъ отношеніе мысли и чувства, объективнаго и субъективнаго освѣщенія вещей, признавъ между прочимъ (путемъ полемики съ самимъ собою), что начало психическаго взаимодѣйствія между міромъ и человѣкомъ можетъ лежать не только въ мірѣ, но и въ самомъ человѣкѣ, не только въ *мысли*, но и въ *чувствѣ* [10]). Такое исправленіе возымѣло то дѣйствіе, что въ докторской рѣчи *Объ отношеніи философіи къ наукѣ и искусству* (Кіевъ, 1883) я еще болѣе возвысилъ *общую* цѣну философіи и далъ ей уже *равноправное* съ наукою мѣсто и познавательное значеніе, признавъ ее высшею областью искусства—„искусствомъ будущаго". Знаніе стремится-де къ *точности* и *полнотѣ*. Точность есть требованіе мысли, выполняемое наукою, полнота есть требованіе чувства, выполняемое философіей, какъ искусствомъ. Здѣсь я уже говорю и о *методѣ чувства* и признаю такимъ образомъ чувство силою познавательною. Очевидно отъ точки исхода я ушелъ еще дальше и личная цѣна философствованія уже почти совершенно потонула для меня въ его *общей* цѣнѣ.

---

[10]) Ср. главу I логики.

На этомъ я остановиться не могъ и уже указывалъ на задачу *положительной перестройки* содержанія философіи на этомъ новомъ фундаментѣ [11]). Желая въ связи съ вопросомъ объ *источникахъ* нашего познанія, провѣрить самые критеріи истиннаго знанія, я написалъ въ этомъ же году этюдъ *О критеріяхъ истины* (Спб. 1883), въ которомъ пришелъ впервые къ выводу, лежащему въ основаніи моего ученія о душѣ (статья „О душѣ“ 1884), что единственный критерій истиннаго знанія есть *законъ однообразія природы*. Этотъ выводъ долженъ былъ сильно повліять на мое ученіе о „методѣ чувства“, но это вліяніе обнаружилось не тотчасъ.

Судьба забросила меня въ Одессу и важная для будущаго развитія ассоціація идей натолкнула меня въ этомъ „прогрессивномъ“ городѣ на вопросъ о „прогрессѣ“. Во вступительной лекціи *О прогрессѣ* въ новороссійскомъ университетѣ (Одесса, 1883) я еще правда отрицалъ законность *субъективнаго метода* въ рѣшеніи общественныхъ и нравственныхъ вопросовъ, и желая рѣшить проблему *научно*, а не философски, старался устранить изъ анализа своего методъ „субъективный“.

Съ научной, *объективной* точки зрѣнія я *справедливо*, думается мнѣ и теперь, опредѣлилъ прогрессъ, какъ возрастающую экономизацію силъ природы и расширеніе сферы ихъ дѣйствія. Но признавъ *цѣлью* (!) этого процесса увеличеніе счастія человѣка и всего живого міра, я уже очевидно вышелъ изъ предѣловъ научнаго анализа и прибѣгъ къ *субъективному, философскому методу*. Критики подмѣтили это противорѣчіе, хотя я сначала спорилъ и не соглашался.

Поднявъ этотъ этическій вопросъ, я невольно пришелъ къ другимъ нравственнымъ вопросамъ *О свободѣ воли* (Од. 1884 г.). и *О значеніи пессимизма и оптимизма* (Од. 1884 г.).

Я долго сопротивлялся при этомъ обаянію *субъективнаго* метода, метода *чувства* и все еще рѣзко разграничивалъ научное, какъ истинное, отъ философскаго, какъ проблематическаго. Но незамѣтно для себя я вводилъ методъ чувства въ оцѣнку каждаго этическаго явленія, изслѣдуемаго *сначала независимо отъ чувства*, т.-е. научно [12]).

---

[11]) Ср. упом. статью, стр. 23—25.

[12]) Замѣчу, что отъ выводовъ моей *научной* теоріи „свободы воли“ я и

Вопросъ о пессимизмѣ и оптимизмѣ, будучи не только этическимъ, но и въ широкой степени *философскимъ*, заставилъ меня снова заняться пересмотромъ воззрѣній своихъ на философію и въ особомъ курсѣ студентамъ, отрывки изъ котораго были напечатаны въ Русскомъ Богатствѣ (*Основные типы философскихъ построеній въ различныя эпохи*, 1884), я точнѣе обосновалъ связь философскихъ построеній съ *чувствомъ*, признавъ ограниченное число этихъ построеній и зависимость ихъ отъ преобладанія различныхъ чувствъ въ извѣстныя эпохи и у извѣстныхъ людей, а также *неизбѣжную смѣну или круговоротъ* философскихъ освѣщеній дѣйствительности въ исторіи мысли всего человѣчества, всякаго народа и отдѣльнаго человѣка.

Отсюда уже вытекала *относительная законность каждаго* философскаго міровоззрѣнія и оставался одинъ шагъ до признанія возможности *такого философскаго ученія*, которое—опираясь на синтезъ разнообразныхъ чувствъ и соотвѣтствуя извѣстной *гармоніи и полнотѣ ихъ*—исчерпывало бы до дна *субъективныя потребности* человѣка и соотвѣтствовало бы, по закону однообразія природы (т.-е. познанія равнаго равнымъ), дѣйствительной субъективной *внутренней* цѣнѣ самихъ вещей и міра.

Но этого шага я тогда еще не сдѣлалъ.

Замѣчу, что въ это время разработки этическихъ и философскихъ вопросовъ, я не отрицалъ и не игнорировалъ *позитивную науку*, а продолжалъ разработывать ея идею и ея проблемы. Такъ въ 1884 г., я предложилъ новый опытъ *Классификаціи наукъ* (Русск. Бог.). И здѣсь симпатіи мои къ *положительной наукѣ*, единственно признаваемой мною и теперь, антипатія моя къ *метафизикѣ*, какъ *ложной наукѣ*, и отрицаніе возможности и всякой цѣны „позитивной философіи“ (въ этихъ понятіяхъ я признаю внутреннее противорѣчіе) выразились съ такою же

теперь не отказываюсь, полагая, что обосновать это понятіе иначе какъ при помощи детерминизма, т.-е. ученія о зависимости воли отъ мотивовъ, невозможно, хотя разумѣется съ точки зрѣнія моего ученія о духѣ я надѣюсь вскорѣ глубже и полнѣе обосновать идею свободы воли, чѣмъ могъ это сдѣлать независимо отъ упомянутаго ученія. Идея активной духовной силы, какъ источника *внутреннихъ* вліяній въ процессѣ образованія личности и какъ основы цѣльности нашего сознанія, нашего „я“, расширяетъ идею внутренняго самоопредѣленія.

сплою, какъ въ самомъ первомъ моемъ трудѣ противъ Козлова и какъ въ самомъ послѣднемъ, разбираемомъ архіепископомъ Никаноромъ, сочиненіи „О душѣ“. Я еще съ 1883 г. отвергъ законность „позитивнаго террора“, царившаго среди общества по отношенію къ философіи [13]), ибо еще тогда противуположилъ позитивной наукѣ вполнѣ законный философскій синтезъ, основанный на *чувствѣ*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ я въ томъ же году обработалъ новый этическій вопросъ *Объ эгоизмѣ и альтруизмѣ* (Спб. Новь, 1884 г.), пользуясь опять методомъ мысли (научнымъ) и методомъ чувства (философскимъ) въ одинаковой мѣрѣ, хотя послѣднимъ еще отчасти безсознательно.

Упомянутый выше шагъ къ признанію возможности *всеобъемлющаго и общеобязательнаго субъективно-философскаго освѣщенія внутренней природы всего существующаго* я сдѣлалъ однакоже въ слѣдующемъ 1885 г. Случайное избраніе меня студентами римскаго университета въ почетные члены комитета по сооруженію памятника великому мученику философіи Дж. Бруно заставило меня заняться изученіемъ системы этого мыслителя. У него я нашелъ и пытался развить далѣе, въ связи съ новѣйшими выводами науки, то философское ученіе о мірѣ, которое *внѣ метафизики* дало мнѣ возможность построить идею Бога, а затѣмъ и души. Я въ Богѣ *никогда* не сомнѣвался, но не зная, какъ оправдать его существованіе не метафизически, а *согласно съ наукою*, я молчалъ и ничего не говорилъ о немъ, ссылаясь на теорію „непознаваемости сущностей“, которую усвоилъ въ началѣ отъ эмпириковъ и позитивистовъ [14]). Но когда я понялъ вполнѣ значеніе чувства въ познаніи, то для меня явилась возможность введенія и *этихъ понятій* въ кругъ моего философскаго міросозерцанія. Еслибы я ранѣе былъ атеистомъ, то конечно это расширеніе моего кругозора было бы дѣйствительно „поворотомъ“. Но такъ какъ я никогда не былъ атеистомъ и не отрицалъ существованія души ни въ одномъ изъ моихъ сочиненій, то въ этомъ новомъ шагѣ моего развитія слѣдуетъ видѣть такую же

---

[13]) Ср. предисловіе моей статьи „О душѣ“.

[14]) Я велъ въ это время, выражаясь словами Карла Фохта, *двойную бухгалтерію души*.

обработку новыхъ, еще не изслѣдованныхъ прежде философскихъ вопросовъ, какими являются ранѣе изслѣдованія незатронутыхъ мною въ первыхъ сочиненіяхъ вопросовъ о прогрессѣ, объ эгоизмѣ и альтруизмѣ, о критеріяхъ истины и т. д. Что дѣйствительно и въ построеніи этихъ понятій я не сдѣлалъ *никакого скачка*, можно видѣть изъ того, что именно мое старое сближеніе философіи съ искусствомъ и мое ученіе о методѣ чувства послужили исходною точкою для построенія упомянутыхъ понятій. Я напомню, что въ статьѣ „Объ основныхъ типахъ философіи“ я уже призналъ, что всякое философское міровоззрѣніе имѣетъ свою *относительную цѣну* и отвѣчаетъ извѣстному, вполнѣ законному складу чувствъ человѣка, и далѣе, что въ статьѣ „О критеріяхъ истины“ я призналъ законъ однообразія природы—единственнымъ возможнымъ критеріемъ истины. Сопоставимъ эти два вывода. Не выйдетъ ли изъ ихъ сочетанія, что *чувства* человѣка, являясь *прежде всего* обнаруженіями *его личной* природы въ то же время составляютъ, какъ и самая его личность, обнаруженіе *законовъ природы вообще?* А если такъ, то не должны ли эти чувства имѣть цѣну не только личную, но и *внѣ-личную, общую*? Не должны ли и они соотвѣтствовать, по однообразію законовъ природы, чему то *стойкому* въ существованіи природы? Но чему же? А нѣтъ ли и въ вещахъ, помимо нашего сознанія, *внутренней субъективной цѣны*, которая познается нами при помощи чувства? Цѣлесообразность природы я призналъ еще въ лекціи „О прогрессѣ“ (за что на меня тогда нападали критики). А что такое цѣлесообразность, какъ не внутренняя, субъективная цѣна вещей?

Но я все еще колебался—признать ли или не признать независимую, соотвѣтствующую *въ природѣ* нашимъ *чувствамъ* субъективную внутреннюю цѣну вещей, пока не обратилъ опять своихъ взоровъ на содержаніе *искусства*. Искусство даетъ намъ, въ исторіи своей, произведенія, имѣющія относительную цѣну и красота которыхъ оспаривается и со временемъ, съ измѣненіемъ вкусовъ и взглядовъ общества, какъ бы испаряется. Но есть и такія произведенія искусства, красота которыхъ *никѣмъ* не оспаривается и никогда не испаряется (хотя бы красота такихъ созданій, какъ Мадонна Рафаэля). Значитъ, во всѣхъ личныхъ и относительныхъ чувствахъ эстетическихъ есть какой-то

немичный остатокъ. Значитъ, есть красота и внѣ „чувства“ красоты? Иначе, отчего бы люди самыхъ противоположныхъ убѣжденій и воззрѣній на вещи, но съ одинаковымъ эстетическимъ развитіемъ поражались красотою нѣкоторыхъ художественныхъ типовъ и признавали ее безусловною? Вѣдь и предъ величественными картинами природы всѣ люди благоговѣютъ. А смерть? Развѣ не все живое ея боится и чувствуетъ къ ней отвращеніе? Значитъ, есть красота и есть безобразіе *внѣ чувствъ* красоты и безобразія, которыя суть въ насъ только *орудія познанія* соотвѣтствующихъ сторонъ объекта. Да откуда и эти *чувства?* Если ихъ дала намъ природа, то развѣ только какъ средства вѣчнаго самообмана и иллюзій? Мы вѣримъ, что если природа дала намъ глаза, которые видятъ свѣтъ, то есть и *свѣтъ*, ради котораго понадобились глаза и который развилъ эти глаза [15]). А если есть въ насъ развивающееся чувство красоты, то можетъ ли не быть въ природѣ такого свойства или состоянія или отношенія, которое называется *красотою?* Одно изъ двухъ: или мы со всѣми своими выводами изъ внѣшняго и внутренняго опыта—воплощенная насмѣшка иронизирующей надъ нами и обманывающей насъ природы, или мы во всѣхъ своихъ орудіяхъ познанія находимъ правильный критерій для опредѣленія самой природы *познаваемаго.* Иллюзіи есть вездѣ: въ области зрѣнія, слуха, осязанія,—и въ области чувствъ, эстетическаго, нравственнаго и иного. Но рядомъ съ иллюзіями есть *вѣрное знаніе*; рядомъ съ ошибками личной ограниченности дана намъ возможность познанія *законовъ* природы. Если есть *законы свѣта,* то есть и *законы красоты.* Если есть свѣтъ, то есть и красота. Свѣтъ мы познаемъ посредствомъ глаза, красоту посредствомъ тѣхъ чувствъ, которыя называемъ эстетическими, т.-е. „чувствами красоты и безобразія“.

Но чувства красоты и безобразія суть чувства удовольствія и страданія (см. „Психологія чувствованій“). Значитъ и вообще чувства удовольствія и страданія имѣютъ цѣну не только *личную,* но и *общую.* Философія сродни искусству, чувство красоты—эстетическое чувство—параллельно чувству добра, нравственному чувству. Если есть красота, то есть и *добро—внѣ отно-*

---

[15]) Оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, что такое свѣтъ съ точки зрѣнія физики—особое движеніе или что-либо иное.

сительной личной оцѣнки. Добро есть *такой же законъ природы*, какъ и красота, добро есть такое же *внутреннее свойство вещей*, какъ и красота. Добро есть законъ природы. Но красота и добро суть свойства, оцѣниваемыя *сознаніемъ*. Если въ природѣ существуютъ, независимо отъ насъ, красота и добро, то есть въ ней и *сознаніе*, которое ихъ постигло, оцѣнило, создало и дало намъ средства познать ихъ при посредствѣ чувства своего.

Тогда, когда я изучалъ ученіе Дж. Бруно, я еще не могъ и не умѣлъ такъ сознательно и ясно формулировать всѣ эти психологическія размышленія, но они какъ искры зажигались и потухали въ сознаніи моемъ, пока не разгорѣлись въ яркое пламя [16]), и мои одесскіе ученики—свидѣтели того, что всѣ эти мысли дѣйствительно являлись мнѣ и руководили моими дальнѣйшими построеніями. Законъ однообразія природы есть критерій истины, чувство есть проявленіе въ насъ законовъ природы, чувство—источникъ познанія субъективной стороны вещей и природы. *субъективныхъ законовъ* природы. Таковы *старые* элементы *новаго* моего построенія. Руководило меня въ этомъ новомъ построеніи, какъ я уже сказалъ, изученіе системы Дж. Бруно—этого великаго поэта-философа эпохи возрожденія наукъ. Онъ, первый, далъ мнѣ философскую идею „сознанія вселенной", безъ которой красота и добро были бы все-таки только пустыми звуками. Именно онъ заставилъ меня понять, что если чрезъ свое чувство мы можемъ познать *свою* и *чужую* (другихъ людей и существъ) субъективную внутреннюю жизнь, то чрезъ тоже чувство мы можемъ познать и *внутреннюю жизнь и смыслъ жизни вселенной* [17]). Будучи убѣждаемы, чрезъ свое самосознаніе, въ существованіи *личнаго сознанія у другихъ существъ*, мы въ правѣ быть убѣжденными въ существованіи *личнаго сознанія* и у „цѣлаго организма" вселенной. Вѣдь обнаруженія этого личнаго сознанія вселенной въ личномъ сознаніи ея существъ и въ общей разумности и согласованности явленій природы не менѣе ясны для насъ, чѣмъ

---

[16]) Въ послѣднее время, въ этомъ отношеніи сильно повліяло на меня перечитываніе сочиненій Платона, которыя я изучалъ давно, еще въ періодъ своей философской слѣпоты—въ университетѣ.

[17]) Замѣчу впрочемъ, что самъ Дж. Бруно нигдѣ ясно не говоритъ о методѣ чувства, но, пользуясь имъ, какъ и Платонъ, постоянно, хотя и безсознательно, онъ наводитъ на мысль о значеніи и важности этого метода.

обнаруженія для насъ личнаго сознанія другихъ людей и существъ въ ихъ разумныхъ движеніяхъ и внѣшнихъ органахъ сознанія (органахъ чувствъ). Это и есть зерно или зачатокъ понятія Бога, которое на дальнѣйшихъ стадіяхъ философствованія можетъ получить болѣе совершенное развитіе [18]). Всѣ эти мысли я изложилъ въ книгѣ „*Джордано Бруно и пантеизмъ*“ (Одесса. 1885 г.) [19]). Но это новое воззрѣніе дало мнѣ и новыя идеи о *методѣ чувства*, методѣ *философскомъ*, болѣе ясное ученіе о которомъ я развилъ въ лекціи *Задачи философіи въ связи съ ученіемъ Дж. Бруно*“ (Одесса. 1885), назвавъ этотъ методъ—*методомъ субъективной индукціи*, въ противуположность научной, объективной индукціи,—„индукціи“, потому что я все-таки не признавалъ, и теперь не признаю, самостоятельной отъ индукціи *дедукціи* и независимо отъ опыта „апріорнаго“ метода познанія, т.-е. *метафизики*. Апріорный методъ метафизиковъ и есть мой методъ чувства, а не особый методъ мысли. Дойдя философскимъ путемъ до понятія Бога, я счелъ возможнымъ коснуться и понятія *религіи*. Я давно уже чувствовалъ, что признаніе *полнаго параллелизма* науки и философіи заключаетъ въ себѣ какую-то фальшь, ибо философія, опираясь на чувство, все-таки строится *мыслью* и беретъ свои основанія у *науки*. Когда я субъективнымъ методомъ вывелъ идею Бога, то понялъ и чисто-субъективное (т.-е. основанное на чувствѣ, какъ особомъ методѣ познанія) значеніе *религіи*, всецѣло опирающейся на вѣру,—а вмѣстѣ съ тѣмъ стало ясно для меня, что я ранѣе ставилъ философію на мѣсто, принадлежащее религіи, и я долженъ былъ признать, что философія стремится *примирить мысль и чувство, науку и ре-*

---

[18]) Кстати замѣчу, что обычный аргументъ пессимистовъ и современныхъ окказіоналистовъ (случайниковъ) о неразумности и несогласованности нѣкоторыхъ частныхъ явленій природы ничего не говоритъ, ибо и въ другихъ существахъ мы не отрицаемъ сознанія и разума только потому, что нѣкоторыя дѣйствія ихъ неразумны и безсознательны. Еще замѣчу, что идея *личнаго* сознанія въ цѣломъ организмѣ вселенной, ни чѣмъ другимъ не ограниченномъ и представляющемъ абсолютный синтезъ и примиреніе индивидуальнаго со всеобщимъ, совпадаетъ съ идеею абсолютнаго *общаго* сознанія. Личный Богъ есть въ то же время и общій духъ или разумъ вселенной.

[19]) Въ этой книжкѣ читатель найдетъ болѣе точное развитіе изложенныхъ здѣсь взглядовъ.

линію, и сложить въ одно цѣлое ихъ воззрѣнія. Эту новую классификацію я ввелъ въ статьѣ о Дж. Бруно и повторилъ въ статьѣ „О задачахъ философіи“.

Но признавъ сознаніе основою внутренняго бытія вселенной, признавъ, что чувство или самосознаніе, открывая мнѣ *внутренній смыслъ жизни вселенной*, *ея разумность и цѣлесообразность*, въ то же время возводитъ сознаніе въ такой же *законъ вселенной*, какъ и *законъ тяготѣнія* [20]), я долженъ былъ неизбѣжно пойти далѣе, т.-е. построить *философски* идею этого *сознанія*, какъ закона и основы жизни вселенной, что и сдѣлалъ въ книжкѣ *О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ* (Од. 1886 г.).

Всѣ указанные новые элементы моей теоріи познанія, философской теоріи міра и нравственной теоріи я изложилъ въ новомъ рядѣ публичныхъ лекцій, часть которыхъ и собралъ въ книжкѣ „О душѣ“ (послѣдняя изъ этихъ лекцій еще не напечатана). Здѣсь міровое сознаніе разсматривается уже какъ особая *активная* сила природы, — *сила-духъ*, и противополагается *пассивной* силѣ, силѣ сопротивленія, *матеріи*. Исконный мой дуализмъ *мысли и чувства*, *объективнаго* и *субъективнаго*, *науки* и *философіи*, а потомъ *науки* и *религіи*, еще далѣе *механизма* и *цѣлесообразности*, *необходимости* и *свободы*, *эгоизма* и *альтруизма* и проч., превращается незамѣтно для меня въ *дуализмъ матеріи и духа*, объединяемыхъ въ понятіи *силы* [21]). Замѣчу, что въ своей „лекціи“ я еще не называлъ матерію „силой“ и не говорилъ о силѣ „сопротивленія“, но подъ вліяніемъ философскихъ бесѣдъ и споровъ съ архіепископомъ Никаноромъ, защищавшимъ тезисъ, что *матерія есть сила*, я усвоилъ этотъ терминъ, много уяснившій мнѣ и самое понятіе матеріи, какъ силы „сопротивленія“. Въ этой книжкѣ о душѣ я пытаюсь примирить *матеріализмъ*, какъ *научную* доктрину, съ *спиритуализмомъ*, какъ доктриной *религіозной*,—*дуализмъ*, какъ требова-

---

[20]) Этотъ законъ сознанія я теперь формулировалъ бы такъ: все въ природѣ, будучи одарено активною силою, одарено и различными степенями сознанія, т.-е. духовности, находящейся въ свободномъ или въ напряженномъ (скрытомъ) состояніи.

[21]) Я не излагаю здѣсь подробно своего ученія о душѣ, такъ какъ книжка объ этомъ предметѣ вышла недавно.

ніе *чувства*, съ *монизмомъ*, какъ постулатомъ *ума*. Здѣсь я *постоянно ссылаюсь* на свои прежнія сочиненія, указываю на ихъ взаимную связь и отношеніе, и несмотря на свою страсть къ полемикѣ съ самимъ собою, достаточно доказанную въ прежнихъ трудахъ, не оспариваю ни одного своего основного положенія изъ прежнихъ сочиненій. Злѣсь я по прежнему признаю одну только позитивную науку, отрицаю метафизику и ея методы, сближаю философію съ искусствомъ и т. д. Гдѣ же основаніе видѣть въ этомъ сочиненіи „поворотъ“? [22])

Въ каждомъ слѣдующемъ сочиненіи, сравнительно съ прежнимъ, есть *маленькій* поворотъ и нигдѣ нѣтъ *рѣзкаго* поворота. Повторю опять, что философъ идетъ впередъ по своего рода окружности и съ каждымъ шагомъ своимъ одновременно опускается внизъ и подымается вверхъ, видитъ новые горизонты и покидаетъ старые,—какъ путешественникъ, идущій вокругъ земли.

Послѣ всего сказаннаго я не могу не признать, что мой почтенный критикъ „Православнаго Обозрѣнія“ *ошибся*, принявъ мое утвержденіе о существованіи Бога и души, представляющее *новый шагъ* въ развитіи *старыхъ основаній* моей философіи, за нѣчто *новое въ моемъ сознаніи*. Религію я всегда уважалъ и носилъ въ душѣ своей и нисколько не виноватъ, что нѣкоторые читатели вывели изъ моей „Психологіи чувствованій“, что я отрицаю Бога и душу, ибо не сумѣли примирить вѣру въ Бога съ этимъ новымъ ученіемъ *о душевной организаціи* [23]), какъ въ свое время схоластики XVI вѣка не въ состояніи были при-

---

[22]) Нѣкоторые журналы, напр. Вѣстн. Евр. (іюль) повидимому усмотрѣли поворотъ въ томъ, что я признаю въ книжкѣ „О душѣ“ основательность критики Данилевскаго, касающейся *принципа случайности* въ Дарвинизмѣ Но я тутъ же оговариваюсь, что *продолжаю раздѣлять теорію развитія* и я можетъ быть въ правѣ былъ надѣяться, что эти критики сумѣютъ отличить ученіе *о развитіи* отъ ученія *о значеніи развитія*. Въ пользу цѣлесообразности развитія природы я высказался еще въ статьѣ „О прогрессѣ“, въ 1883 году.

[23]) Противъ этого вывода о моемъ quasi-матеріализмѣ я протестовалъ еще въ отвѣтѣ проф. Козлову въ 1881 г. (Еще по поводу психологіи чувствованій. Кіевъ, стр. 8). Здѣсь я говорю, между прочимъ, что признаніе мозга органомъ мысли „не мѣшаетъ“ предполагать, что его дѣятельность совершается при посредствѣ особой, спеціально присущей человѣческому мозгу

мирить сразу ученіе о Богѣ съ несравненно болѣе важнымъ и великимъ, чѣмъ современное научное ученіе о психической организаціи, ученіемъ Коперника о вращеніи земли вокругъ солнца. Въ этомъ виновато время и законы развитія мысли, а не ученый или мыслитель.

Изъ изложеннаго ясно: 1) что развитіе моей философіи—ея идеи и содержанія—вращалось около вопросовъ о *задачахъ философіи и объ отношеніи и значеніи мысли и чувства*, какъ источниковъ знанія; 2) что въ развитіи своего теперешняго ученія о задачахъ философіи и въ обработкѣ спеціальныхъ философскихъ вопросовъ я шелъ *постепенно, со ступени на ступень*, по безконечной лѣстницѣ развитія, по которой неизбѣжно идетъ всякій человѣкъ, стремящійся къ истинѣ, и по которой *долженъ* идти философъ; 3) что я ничему не измѣнялъ, никуда не поворачивалъ, а все шелъ впередъ по разъ проложенному пути; 4) что по самой природѣ мысли это движеніе впередъ не могло быть движеніемъ *прямолинейнымъ*, въ *узкомъ* значеніи этого слова: расширеніе философскаго горизонта неизбѣжно ведетъ къ увеличенію числа утвержденій и уменьшенію числа отрицаній, и потому естественно, что у меня въ началѣ преобладали *отрицанія*, а впослѣдствіи стали преобладать *утвержденія*, т.-е. *положительные* взгляды. Въ этомъ смыслѣ, *несмотря на отсутствіе всякаго поворота*, я по отношенію къ точкѣ исходѣ не замѣтно и постепенно сталъ своимъ „антиподомъ“: сначала я совершенно отрицалъ философію внѣ науки, а теперь сдѣлался ярымъ защитникомъ ея *положительныхъ* задачъ и *положительной цѣны*, а это отразилось конечно и на способѣ постановки всѣхъ спеціальныхъ философскихъ вопросовъ и на самомъ выборѣ предметовъ (или темъ) для анализа; 5) если, вслѣдствіе такого метода „расширяющагося въ своемъ объемѣ и углубляющагося въ своемъ содержаніи философствованія“, получились нѣкоторыя частныя противорѣчія между новыми утвержденіями моими и прежними отрицаніями, то такое обстоятельство не только не огорчаетъ меня, но напротивъ радуетъ, ибо доказываетъ мое движеніе впередъ и искренность стремленій моихъ къ истинѣ наиболѣе широкой и глубо-

---

и даже недоступной уничтоженію силѣ“. Этотъ взглядъ ближе къ чистому спиритуализму, чѣмъ теперешнее ученіе мое о духѣ, какъ активной силѣ природы.

ДУБЛИРОВАНИЕ 589

кой. Въ послѣднее время я сдѣлалъ новый шагъ въ развитіи своего ученія о *задачахъ* философіи, всецѣло отождествивъ философію съ понятіемъ *этическаго или нравственнаго ученія о мірѣ* и окончательно уяснивъ *себѣ* несостоятельность *метафизики*, какъ псевдонаучнаго ученія о никогда реально не существовавшихъ „сущностяхъ“ вещей [24]), вслѣдствіе чего мнѣ выяснилось еще болѣе истинное соотношеніе науки, искусства, религіи и философіи (Ср. вступит. лекц. *Объ истинныхъ задачахъ философіи*, Русская Мысль, 1886, ноябрь). На этихъ выводахъ я однако не могу остановиться и вижу предъ собою еще *длинный путь* дальнѣйшаго изслѣдованія, какъ *задачъ* философіи, такъ и цѣлаго ряда важнѣйшихъ *нравственныхъ вопросовъ*. Куда я при этомъ приду и чего достигну, объ этомъ я и самъ не имѣю яснаго понятія. Знаю только одно, что я буду продолжать идти впередъ, насколько позволятъ мнѣ это мои слабыя силы, развивая тѣ основныя положенія и принципы, которые были установлены въ самыхъ *первыхъ* моихъ сочиненіяхъ. Если я буду имѣть возможность возвратиться къ спеціальнымъ работамъ по *психологіи*, то положу въ основаніе ихъ свою „Психологію чувствованій“, выводы которой нынѣ освѣщены шире моимъ ученіемъ о душѣ; если еще когда-либо буду писать по *логикѣ*, то буду исходить изъ выводовъ своего труда „Къ вопросу о реформѣ логики“, и также точно я буду поступать относительно каждаго вопроса, который я разсматривалъ въ прежнихъ своихъ сочиненіяхъ, нисколько не заботясь о томъ, какое толкованіе давали моимъ воззрѣніямъ почтенные критики. Философъ ищетъ истину и долженъ излагать истину, какъ онъ её понимаетъ,— какіе бы выводы ни дѣлали изъ словъ его.

Въ заключеніе искренно благодарю моего высокоуважаемаго критика, архіепископа Никанора, еще и за то, что онъ далъ мнѣ случай высказаться и уяснить читателямъ связь моихъ отдѣльныхъ сочиненій и идей между собою [25]).

---

[24]) Впрочемъ замѣчу, что я отрицалъ *сущности* еще въ статьѣ *О критеріяхъ истины*. Р. Бог. Спб. 1883, стр. 26.

[25]) Я считалъ неудобнымъ высказываться по поводу отзывовъ такихъ журнальныхъ рецензентовъ, которые не знаютъ даже различія словъ „микрокосмъ“ и „макрокосмъ“ и, отождествляя ихъ, упрекаютъ меня въ томъ, что я употребляю *одно и то же слово* (микрокосмъ) въ *двоякомъ* значеніи. (Сѣв. Вѣстн., сент. 1886).

Изъ Православнаго Обозрѣнія.

Отъ Московскаго Духовно-цензурнаго комитета печатать дозволяется. Москва. Ноября 17-го 1886 года.

Цензоръ *свящ. Іоаннъ Петропавловскій.*

Москва. Въ Универс. типогр. (М. Катковъ), на Страстн. бульварѣ. **1886.**